

УДК 81'367. 322

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-50-57

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПРЕДЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОПЕРАТОР *САМЫЙ*

Лекант П.А.

Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье определяется и обосновывается статус семантико-грамматической категории предельности, формальным оператором которой является *самый*. Из класса местоимений слово *самый* перешло в систему частиц в результате грамматизации. Оно утратило указательное значение, но сохранило формы рода, числа, падежа. В этих формах оно согласуется с именами существительными, которые обозначают время, пространство, процесс. Так образуются формы предельности. Семантика предельности варьируется при участии предлогов, может быть подчеркнута в составе высказывания.

Ключевые слова: превосходство, предельность, интенсивность, метафоризация, фразема.

THE SEMANTIC-GRAMMATICAL CATEGORY OF LIMIT IN THE RUSSIAN LANGUAGE: THE OPERATOR *САМЫЙ*

P. Lekant

Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. The article defines and justifies the status of semantic-grammatical category of limit, which formal operator is *самый*. The word *самый* transferred into the system of particles from the class of pronouns as a result of grammatization. It lost its demonstrative meaning, but preserved forms of gender, number, case. In these forms, it agrees with nouns that refer to time, space, process. This is how the forms of limit are formed. The semantics of limit varies with the presence of prepositions, it can be emphasized as a part of a statement.

Keywords: superiority, limit, intensity, metaphORIZATION, phrasem.

Значение предельности и его формальное представление сложились в лексико-грамматической системе русского языка для выражения глобального смысла границы, черты [15, т. I, с. 384], предела – применительно к пространству, ко времени, к процессу действия.

Категориальный статус предельности определяется и оформляется оператором *самый*. Особое положение слова *самый* обосновал и определил В.В. Виноградов при описании аналитической формы превосходной степени имени прилагательного – по его отношению к разряду *местоименно-указательных имён прилагательных* «остаются обособленными формальные слова *самый* и *кото-*

рый. <...> формальное слово **самый** в составе сложной, аналитической формы превосходной степени – *самый неприятный*; ср. вообще для обозначения **степени**: *по самому верху*» [3, с. 201].

Последнее замечание Виноградова про «**вообще**» явилось для нас решительным поводом обосновать и подробно рассмотреть статус формального слова *самый* как **оператора** категории предельности – во всём многообразии её грамматического устройства.

Определение *самый* как формального слова было высказано Виноградовым в грамматическом учении об имени прилагательном как категориально целостной, а семантически разнообразной части речи, которая представлена системой разрядов. По этой системе слову *самый* «полагалось» место, как указано выше, в разряде местоименно-указательных имён прилагательных. Однако его участие в аналитической форме превосходной степени качественных прилагательных несовместимо с указательностью, а является чисто формальным. Цельность аналитической формы превосходной степени Виноградов определил как «грамматический идиоматизм» [3, с. 245]. Однако это меткое, оригинальное определение к «вообще обозначению степени» (*по самому верху*) отнестись невозможно.

Однако само по себе *формальное* слово *самый* далеко не однозначно и очевидно (как и многие не исконно формальные слова). Оно входит в синтагматические сочетания с местоимениями указательными *этот*, *тот* с общим значением тождественности – очень тонким и очень нуж-

ным для семантического окружения. Например: *А что такое в жизни счастье? Вот это самое как раз. – Их двое, близко ли, далёко, В любую часть земли родной, С надеждой ясной и высокой Держащих путь – рука с рукой...* (А. Твардовский); – *Да... что я хотел сказать... да... вот это самое ...* (К. Паустовский); *Всё это звалось той самой Ключевской балкой, питавшейся обильными ключами из-под Верхового уреза, было тем самым низом, по которому проходила дорога* (Е. Носов); *Мать-земля моя родная... Я иду к тебе с востока, Я тот самый, не иной* (А. Твардовский) – значение предельности «поглощается» тождеством. Ср. также фраземы: *тот, этот, я, он – самый и есть*. Следует добавить, что *тот самый* и под. являются компонентом связи сложноподчинённого предложения; например: *Дельный, что и говорить, Был старик тот самый, Что придумал суп варить на колёсах прямо* (А. Твардовский).

Идея В.В. Виноградова о формальном статусе слова *самый* не получила ни признания, ни развития в работах известных грамматистов; см., например: А.И. Ефимов [10, с. 246]; Н.Ю. Шведова [10, с. 151]. Н.Ю. Шведова считает *самый* местоимением, в котором заключён «смысл средоточия, сосредоточенности на одном, данном, единичном». Этот смысл противопоставлен смыслу «всеохватности, всеобщности» [12, с. 17-18]. В этом определении явно не учитывается, можно сказать, игнорируется значение *самый* в форме превосходной степени. Ср.: «В абсолютном употреблении, независимо от сравнения предметов, эта форма (*самый* + имя прилагательное) обозначает *решительное превосходство* качества, *предельную*

степень качества» [3, с. 245] (подчёркнуто мной. – П. Л.).

С.И. Абакумов, хотя и отметил формальную роль *самый* в «описательной» превосходной степени, отнёс это слово к прилагательным [1, с. 108].

Значение предельности, конечно, характеризовало превосходную степень с установлением её в грамматической парадигме имени прилагательного в двух формах – синтетической (простой) и аналитической (составной). Эти формы конкурировали в употреблении, представляли оппозицию и давали возможность выбора. Однако в исследованиях грамматического строя русского литературного языка XIX века отмечена их своеобразная контаминация.

«Аналитические формы превосходной степени: сочетание *самый* и форм превосходной степени на *-ейший* (*-айший*), всё более редкое в книжном употреблении чем ближе к нашему времени, очень обычно в первой половине XIX века и упорно держится в это время... <...> ... *И даже кое-кто из самых юнейших, т. е. из самых бесчиновных чиновников, втихомолочку и под обидный шумок составили орлянку, в углу, у окошка* (Ф. Достоевский), – отмечает Л.А. Булаховский [2, с. 103]; см. также: Шведова Н.Ю.: «Местоимение *самый* может соединяться не только с прилагательным в положительной степени, но также и с формой превосходной степени. Такое употребление было особенно распространено у писателей XIX в.» [10, с. 151].

И оппозиция, и контаминация двух форм превосходной степени подчёркивают тождественность грамматического содержания показателей – формальных суффиксов *-ейш-*, *-айш-* и формального слова *самый*.

Значение предельности, как видно из предварительного обсуждения, имеет чёткое грамматизованное содержание. Выдающийся грамматист, соратник В.В. Виноградова, М.В. Панов, подробно излагая собственное понимание части речи, употребил простое и удивительное словосочетание – *грамматическое понимание*: «Все слова, принадлежащие к одной части речи, объединяет грамматическая идея. Все они представляют свои денотаты; обозначаемые фрагменты действительности (в пределах одной части речи) они рисуют в свете определённого взгляда; подводят изображаемое под определённое грамматическое понимание» [9, с. 117].

Категорию предельности мы рассмотрим далее – за пределами превосходной степени имени прилагательного.

После указания Виноградова на употребление *самый* с именем существительным («по самому верху» – см. выше) с общим значением степени А.И. Ефимов определил круг входящих в сочетание существительных значением – «предел времени и пространства» [10, с. 246].

Сочетания такого рода, имеющие форму свободного словосочетания, строятся и употребляются продуктивно. Например: *В сиреновом душистом кусте под самым окном чуть-чуть перепрыгивали и встряхивались какие-то птички* (Л. Толстой); *Вернувшись домой, он сорвал с себя мокрое пальто и шапку, зашагал вдоль стен и неумолимо шагал до самого утра* (А. Чехов); *Запах – простой, без затей, но в самую грудь, хочется дышать и дышать* (Б. Пантелеймонов); *Перед самым рассветом он увидел во сне раннее весеннее утро, красную зарю над землёй и*

низкий ароматный луг (А. Куприн).

Аналитическая форма предельности не препятствует метафоризации, напротив, усиливает её: *В то время книга у меня стояла над жизнью, а не жизнь над книгой. Нужно было наполнить себя жизнью до самых краёв* (К. Паустовский); *Загорелые, как черти, С картузами набекрень, – Им теперь до самой смерти Не забыть счастливый день* (Н. Заболоцкий); *Поезд мчался с прежним напряженьем Где-то в самых дёбрях мироздания* (Н. Рубцов); *Отправлень. Под самые тучи запущен паровозный гудок* (Р. Рождественский); *Мы никогда не говорили о том, что у нас там, в самой глубине... На сердце...* (В. Некрасов); *Вид у Онисима умный, серьёзный, глядит в самую душу* (Б. Пантелеймонов).

Аналитическая форма предельности максимально грамматизована, так сказать, отшлифована. Грамматическая форма оператора *самый* согласуется в роде, в числе, в падеже с существительным. «... Развитие словосочетания может вести к его грамматикализации либо к его фразеологизации» [4, с. 93]. Этот тезис В.Г. Гака мотивируется аналитическими формами предельности и по первому, и по второму пункту. Отдельные формы предельности имеют черты *фраземы*: цельность и воспроизводимость. Например: *Но солнце уже высоко, теперь самое время сделать привал, закусить* (Б. Пантелеймонов); *Он лежит с лицом землистым, Не моргнёт, хоть глаз коли. В самый срок его танкисты Подобрали, повезли* (А. Твардовский) – общее значение своевременности и положительной оценки в подчёркнуто предельной степени. Эти черты данной аналитической формы предельно-

сти мотивированы лексической семантикой главного компонента – *время, срок*. Обратим внимание на вывод Б.Ю. Нормана: «Когда мы говорили, что каждому компоненту синтаксической модели, каждой её позиции присуще своё обобщённое значение, то из этого следовало (и следует), что ей свойственно и некоторое типическое лексическое воплощение» [8, с. 148].

В составе аналитических форм предельности следует отметить специализированные лексические компоненты, которые могут указывать на *начало, середину, конец* – это временные или пространственные ориентиры. Например: *Москва стоит на горе, в самой середине нашего государства, на семи холмах* (Б. Пантелеймонов); *Широкая деревенская улица была пуста, и только в самом конце её, около церкви, маячила долговязая фигура Ильина* (В. Некрасов); – см. также аналитические формы предельности с именами времени: *в самом начале зимы, до самой середины мая* и т. п.

Другой разряд лексических средств составляют слова, в значении которых может быть отмечена сема «предела» – *край, кромка, горизонт, берег, околица* и др.: *Я обливаюсь колодезной водой и слушаю рожок пастуха – он поёт ещё далеко, у самой околицы* (К. Паустовский); *Море не замёрзло. Снег лежит до самой кромки воды* (К. Паустовский); *Сквозь тучи низко, у самого горизонта, пробилось солнце* (Е. Носов).

В аналитических формах предельности гармонично объединены грамматическое (формальное) и семантическое. Об этом предельно кратко и точно сказал Ю.С. Степанов: «Схема грамматической категории статична, а ход мысли динамичен» [11, с. 124].

Аналитическая форма предельности с оператором *самый* включает те семантико-грамматические частные значения, которые создаются предложно-падежными (тоже аналитическими) формами. Образуется та «сетка» вариантов, которая обслуживает динамичный ход мысли.

Если предлог *у* обозначает в аналитической форме пространственную близость, то, благодаря оператору, эта близость выражена как предельная. Например: *Внезапно у самого борта* лодки вынырнула громадная горбатая спина чёрной рыбы (К. Паустовский); *У самых ног* спереди был берег, под которым бурлил поток (Л. Толстой); *Дом стоит у самого моря* (К. Паустовский); *Скамеечка стояла у самой воды*, между густыми кустами молодого ивняка (А. Чехов).

Различные предложно-падежные пространственные и временные формы при участии оператора *самый* непременно обретают значение предельности. Например: *Над последним* планом висела синеватая дымка. Она протянулась по горизонту *над самой землёй* (К. Паустовский); *Гром* расколол небо и, казалось, одним ударом вогнал домишко в землю *по самую крышу* (К. Паустовский); *Ахнуло над самой головой*, и небо разорвало молнией (Б. Пантелеймонов); *Ноги* тонули в зелёных мхах *по самое колено* (К. Паустовский); *В самый полдень* Марьяна сидела в своём саду (Л. Толстой); *Под вечер* рыба клюёт лучше... *Сижу, брат, здесь с самого утра!* (А. Чехов).

Особо следует остановиться на участии предлога *до* в аналитической форме предельности.

Во-первых, этот предлог, «обернувшись» в приставку *до* в группе наре-

чий, восходящих к предложно-падежным формам кратких прилагательных, оставил след «полноты, предела». Эта сема отмечена словарём С.И. Ожегова в наречиях *добела, доверху, догола, до-полна, допыяна, досуха, дочиста* (перен.), а также *донельзя* [13, с. 147].

Во-вторых, предложно-падежной форме род. пад. с *до* предназначено «обозначение предельной меры <...>, полноты, исчерпанности действия»; это значение Г.А. Золотова иллюстрирует предложением *Кубок мой тёмный до дна испей* (А. Блок) [5, с. 50]; этому значению автор присваивает ярлычок *интенсив*. Мы обозначаем термином *интенсив* особую аналитическую категорию всех знаменательных слов [6, с. 46-52].

Предельная мера, полнота значения данной предложно-падежной формы в составе аналитической формы с оператором *самый* приобретают категориальный статус предельности – в усиленном варианте. Например: *На лиловатых и твёрдых зонтичных цветках* сидят *имели*. Они *сгибают* своей тяжестью эти цветы *до самой земли* (К. Паустовский); *Там, на этой станции, вершина была. Тёплая вершина. До самых звёзд* (Р. Рождественский); *Ничего не было видно ни спереди, ни сзади до самого горизонта* (Ю. Казаков); *Я сам стою за гражданский брак, да... Но, по-моему, если раз сошлись, то надо жить до самой смерти* (А. Чехов); *До самого вечера* барыня была не в духе (И. Тургенев). Семантика данной аналитической формы предельности поистине динамична: она дополнительно «регулируется» наречиями меры. Например: *Народ* *растянулся от берега почти до самого деревенского взгорья* (Е. Носов); *Села* *я так к окошечку, пригорюнилась. Си-*

дела, сидела, **вплоть до самого вечера** высидела (Д. Мамин-Сибиряк).

Высокая степень превосходства, предельности хранится в этимологически устанавливаемой приставке до- слова *дотла*. В.М. Мокиенко, исследовавший этимологию *тль* – *тло* в русском и в отдельных славянских языках, назвал очерк об *дотла* «До самого тла» [7, с. 122-128].

Устойчивые предложно-падежные формы с *до* – формы-идиомы – хранят в своей семантике значение предела; обратим внимание на толкование такого рода фразеологизмов в словаре И.В. Тимошенко: *до оскомины, до основания, до отказа, до полусмерти* и

др. [14, с. 196-227]. Эти формы-идиомы, как и фразеологизмы вообще, характеризуются непроницаемостью, так что вставить *самый* недопустимо. Впрочем, авторская вольность может оказаться весьма яркой. Например: *Достоевский садился писать, когда времени оставалось в самый обрез* (К. Паустовский).

В нестандартном, определяемом динамичным ходом мысли окружении оператор *самый* неуклонно диктует категориальное значение предельности; ср. также: *Кровь – сосульками. Однако В самый жар вступает драка* (А. Твардовский).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абакумов С.И. Современный русский литературный язык. М.: Советская наука, 1942. 179 с.
2. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.-Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
4. Гак В.Г. Пределы семантической эволюции слов // Русский язык сегодня. Вып. 2. 2003. С. 88-97.
5. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. М.: Наука, 1988. 440 с.
6. Лекант П.А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 86 с.
7. Мокиенко В.М. Образы русской речи. М.: Флинта: Наука, 2009. 464 с.
8. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 340 с.
9. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999. 275 с.
10. Современный русский язык. Морфология / под редакцией В.В. Виноградова. М.: Изд. МГУ, 1952. 519 с.
11. Степанов Ю.С. Основы языкознания. М.: Либерком, 2011. 270 с.
12. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

СЛОВАРИ:

13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под редакцией Л.И. Скворцова. М.: Мир и образование, 2010. 736 с.
14. Тимошенко И.В. Малый фразеологический словарь: формы-идиомы / под редакцией П.А. Леканта. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 410 с.
15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М.: Русский язык, т. I–II, 1993.

REFERENCES:

1. Abakumov S.I. *Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk* [Modern Russian literary language]. M., Sovetskaya nauka, 1942. 179 p.
2. Bulakhovskii L.A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka* [Russian literary language the first half of the 19th century]. M., Uchpedgiz, 1954. 468 p.
3. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. M.-L., Uchpedgiz, 1947. 784 p.
4. Gak V.G. *Predely semanticheskoi evolyutsii slov* [The limits of the semantic evolution of words] // *Russkii yazyk segodnya. Vyp. 2* [Russian language today. Iss. 2]. 2003. pp. 88–97.
5. Zolotova G.A. *Sintaksicheskii slovar'* [The syntactic dictionary]. M., Nauka, 1988. 440 p.
6. Lekant P.A. *Analiticheskie formy i analiticheskie konstruksii v sovremennom russkom yazyke* [The analytical form and the analytical constructions in the modern Russian language]. M., IIU MGOU, 2015. 86 p.
7. Mokienko V.M. *Obrazy russkoi rechi* [The images of the Russian speech]. M., Flinta: Nauka, 2009. 464 p.
8. Norman B.YU. *Igra na granyakh yazyka* [The game on the edges of language]. M., Flinta: Nauka, 2006. 340 p.
9. Panov M.V. *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional morphology of the Russian language]. M., Nauka, 1999. 275 p.
10. *Sovremennyi russkii yazyk. Morfologiya* [Modern Russian language. Morphology]. M., Izd. MGU, 1952. 519 p.
11. Stepanov YU.S. *Osnovy yazykoznaniya* [Foundations of linguistics]. M., Liberkom, 2011. 270 p.
12. Shvedova N.YU. *Mestoimenie i smysl* [The pronoun and the meaning]. M., Azbukovnik, 1998. 176 p.

DICTIONARIES:

13. Ozhegov S.I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. M., Mir i obrazovanie, 2010. 736 p.
14. Timoshenko I.V. *Malyi frazeologicheskii slovar': formy-idiomy* [Small phraseological dictionary: forms-idioms]. M., IIU MGOU, 2014. 410 p.
15. Chernykh P.YA. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. T. I–II* [Historical-etymological dictionary of the Russian language. Vol. I–II]. M., Russkii yazyk, 1993.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лекант Павел Александрович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки, заведующий кафедрой современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: kafedralekant@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel Lekant – the Doctor of Philological Sciences, professor, the honored worker of science, the head of the department of modern Russian at Moscow State Regional University; *Pavel Lekant* – the Doctor of Philological Sciences, professor, the honored worker of science, the head of the department of modern Russian at Moscow State Regional University;
e-mail: kafedralekant@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Лекант П.А. Семантико-грамматическая категория предельности в русском языке: оператор *самый* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 50-57.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-50-57

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

P. Lekant. The semantic-grammatical category limit in the Russian language: the operator *самый* // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 50-57.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-50-57